

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.11

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-69-1-9-23

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В РАМКАХ СОЦИАЛИЗАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СОЦИУМЕ

С. Е. Бугрова, И. Н. Кабанова, В. И. Курышева

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Рассматривается специфика лингвокультурологической парадигмы анализируемой языковой личности с ментальными особенностями при включенности субъекта в общество. Предложена авторская интерпретация культурной картины индивида в процессе его социализации как конструкта, представленного иерархией когнитивно-социальных парадигм в динамике, обусловленных решающим событием в жизни субъекта — операцией по увеличению интеллекта. Согласно антропоцентрическому подходу языковая личность идентифицируется на вербально-семантическом, тезаурусном и мотивационном уровнях. На мотивационном уровне увеличение рациональной составляющей субъекта определяется как основной стимул развития индивида с умственной отсталостью и как неотъемлемый фактор его включенности в социум. На тезаурусном уровне идентифицируется специфика функционирования концептуальных признаков социализации, интеллекта и вектора коммуникативной направленности общения. Выдвигается гипотеза о том, что низкая социализация индивида как при минимальной, так и при высокой рациональной составляющей интеллекта объясняется дисбалансом умственного и эмоционального компонентов интеллекта анализируемой языковой личности. Коммуникативное и речевое поведение индивида обуславливается коммуникативными стратегиями и речевыми тактиками. Обращение к кооперативным / некооперативным стратегиям и тактикам регулируется вектором коммуникативной направленности общения, изменение которого сопровождается сменой коннотативного знака соответствующих стратегий и тактик. Выявляется специфика функционирования коммуникативных стратегий и тактик с различной оценкой в процессе эволюции индивида. Выдвигается гипотеза о том, что возможна также интерпретация адресантом (обществом) стратегий и тактик анализируемой языковой личности с позитивной оценкой как некооперативных. Применительно к современной общественно-экономической формации, и англоязычному социуму в частности, затрагивается проблема социализации человека, детерминируемая очевидным предпочтением индивидом виртуального общения реальному как барьером для социального функционирования человека. Виртуальная коммуникация не способна сделать индивида социально значимым. Статья имеет междисциплинарный характер, написана на стыке лингвистики, социологии и психологии.

Ключевые слова: языковая личность; когнитивная модель; коммуникативная стратегия; речевая тактика; социализация; интеллект; коммуникативная направленность; коннотативный знак; антропоцентрическая парадигма.

Цитирование: Бугрова С. Е., Кабанова И. Н., Курышева В. И. Лингвокогнитивная модель языковой личности в рамках социализации в англоязычном социуме // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 1 (69). С. 9–23. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-69-1-9-23.

The Linguacognitive Model of the Language Personality in Terms of Their Socialization in an English-Speaking Community

Svetlana Ye. Bugrova, Irina N. Kabanova, Valentina I. Kuryшева

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article examines the cognitive model of language personality with mental peculiarities of development in case of their socialization in English-speaking community. The specifics of the identified linguacultural matrix as a set of hierarchically organized cultural paradigms are explored. From the point of view of anthropological approach the article aims to investigate verbal-semantic, thesaurus and motive aspects of the analyzed individual. Considerable attention is paid to communicative strategies and tactics as a means of communicative and language behavior of a person determined by the direction of communication and in case it becomes different changes connotation of communicative strategies and tactics as well. The study offers the hypothesis that a low as well as a higher level of socialization deals with disproportion between rational and irrational constituents of the intellect of the person. Communicative and speech behavior of the individual are stressed by communicative strategies and tactics which are regulated by communicative direction of the utterance whose change causes different connotation of strategies and tactics. Functional specifics of communicative strategies and tactics with different connotation are concerned in dynamics. The article provides insight into interpersonal relations between the speakers. The authors conclude that the individual turns to cooperative strategies and tactics if he is an addressee. It is shown that the understanding of the evaluative function of communicative strategies and tactics is controlled by their different linguacultural paradigms. The article addresses the problem of socialization of a person in the community of today. The conclusion dwells upon the idea that virtual communication is a barrier to real cooperation of people. The paper is interdisciplinary in nature, written at the turn of linguistics, sociology and psychology.

Key words: language personality; cognitive model; communicative strategy; speech tactics; socialization; intellect; communicative direction; connotation; anthropological approach.

Citation: Bugrova, Svetlana Ye., Kabanova, Irina N., & Kuryшева, Valentina I. (2025) The Linguacognitive Model of the Language Personality in Terms of Socialization in the English Speaking Societ. *LUNN Bulletin*, 1 (69), 9–23. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-69-1-9-23.

1. Введение

Антропоцентрический подход и правомерность обращения к нему объясняется тем, что в современном языкознании объектом изучения является человек как социальный феномен и носитель определенной языковой культуры. Предлагаемая парадигма исследования предусматривает изменение векторной направленности описания, когда в центре изучения оказывается не объект познания, а субъект, т. е. анализируется «человек в языке» и «язык в человеке» (Дементьева 2013).

Актуальность исследования определяется дальнейшей потребностью изучения социального фактора в процессе социализации личности как основного детерминирующего существования человека в обществе.

В настоящее время в кризисных условиях современной формации человечества назрела необходимость выявления и кодификации концептуальной парадигмы людей с особенностями ментального развития.

Целесообразность подобного исследования детерминируется также огромным объемом информации в современном обществе, предлагаемым человеку для усвоения.

Цель исследования заключается в выявлении специфики лингвокогнитивной модели языковой личности с особенностями умственного развития с позиции ее социального функционирования в англоязычном социуме.

Понятие языковой личности в отечественной и зарубежной лингвистике неоднозначно и подвергалось неоднократному переосмыслению (Бодуэн де Куртенэ 1963; Виноградов 1980; Witherspoon 1980; Grimshaw 1981; Гумбольдт 1985; Hill 1988; Богин 1991; Wierzbicka 1992; Дейк 2000; Карасик 2002; Ростовцева, Машанов, Хохрина 2013;).

Конечной целью эволюции личности является ее социализация, которая предполагает процесс развития социальной сущности человека под влиянием окружающей действительности, социального опыта, ценностных доминант человека (Дорошенко 2020).

Концептуальная картина индивида актуализируется его коммуникативным и речевым поведением, детерминируемым употреблением определенных коммуникативных стратегий и тактик.

Обзор лингвистической литературы показывает, что существуют различные подходы к понятию коммуникативной стратегии. Так, существует точка зрения, согласно которой коммуникативная стратегия идентифицируется как совокупность речевых действий, актуализируемых разнообразными языковыми средствами, направленными на достижение коммуникативной цели (Cruse 1977; Faerch, Kasper 1983; Fraser 1983; Tarone 1983; Ellis 1984; Kasper, Kellerman 1997; Ключев 2002; Анохина 2008; Иссерс 2008; Шелестюк 2014).

В статье коммуникативная стратегия определяется как коммуникативное взаимодействие, включающее как вербальные, так и невербальные средства для реализации коммуникативной интенции говорящего (Клюев 2002: 35). Речевая тактика идентифицируется как действие, которое предусматривает изменение концептосферы адресата с позиций адресанта (Верещагин, Райтмар, Ройтер 1992). Включенность индивида в общество предусматривает комфортное и гармоничное общение. Отсюда целесообразность деления коммуникативных стратегий на кооперативные и некооперативные (Культура русской речи 1999). Кооперативные стратегии основаны на принципе кооперации, в то время как некооперативные стратегии нарушают правила речевого общения и детерминируют недоброжелательное взаимодействие.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом статьи послужил научно-фантастический роман Д. Киза «Цветы для Элджернона» (Daniel Keyes "Flowers for Algernon"), где повествование ведется от лица умственно отсталого персонажа, которому предстоит пройти операцию на мозге с тем, чтобы значительно увеличить свой интеллект.

Статья имеет междисциплинарный характер, поскольку с позиций антропоцентрической парадигмы языковая личность рассматривается не только в когнитивной лингвистике, но и в смежных науках, таких как философия, психология, социология, дидактика (Серебренников 1988).

В статье используются описательный, коммуникативно-прагматический методы, метод сквозного и дескриптивного анализа, метод анализа для выявления особенностей функционирования коммуникативных стратегий и речевых тактик в дискурсе.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Языковая личность понимается как совокупность характеристик индивида, обеспечивающих его способность к созданию и восприятию речевых произведений различной глубины, сложности и коммуникативной направленности (Карaulов 2007).

Поскольку социализация предполагает включенность индивида в социум, думается, что интеллект и межличностные отношения являются основными концептуальными признаками социализации субъекта вообще и анализируемой умственно отсталой личности в частности. Интеллект может быть структурирован как бинарная концептуальная оппозиция, которая интегрирует рациональное и иррациональное мышление (Дорошенко 2020). Рациональный компонент основывается на логическом принципе, на умственных способностях человека, в то

время как иррациональное обращается в первую очередь к чувственной стороне индивида (там же).

Структура языковой личности представлена многоуровневой системой:

1. Вербально-семантический или лексический уровень — собственно лингвистическая составляющая, которая предлагает носителю языка нормальное владение словарем и грамматикой.

2. Когнитивный или тезаурусный уровень знаний, охватывающий интеллектуальную сферу личности.

3. Прагматический уровень, предусматривающий совокупность целей, мотивов, интересов, ценностных предпочтений, которые находят отражение в коммуникативной деятельности человека (Караулов 2007: 98).

Зарегистрирована следующая периодизация эволюции анализируемой языковой личности: дооперационный этап, период реабилитации и послеоперационный этап, — обусловленная решающим событием в жизни персонажа, операцией по увеличению интеллекта.

Рассмотрим каждый из заявленных периодов.

В дооперационный период лингвокультурологическая парадигма индивида на тезаурусном уровне характеризуется фрагментарностью и непоследовательностью восприятия окружающей действительности.

(1) *He had a wite coat like a docter but I dont think he was no docter because he dint tell me to opin my mouth and sav ah* (Keyes 1975: 1) (здесь и далее сохраняются орфография, пунктуация и грамматика оригинала).

Так, словосочетание *a white coat*, по мнению Чарли, всегда должно ассоциироваться только с человеком, который лечит. Концептуальная парадигма анализируемой языковой личности находится на уровне рефлексивного восприятия действительности.

(2) *Prof Nemur said but why did you want to lern to reed and spell in the frist place. I tolld him because all my life I wantid to be smart and not dumb [...]* (Ibid.: 3).

На вербально-семантическом уровне мотивационный компонент актуализируется кооперативной коммуникативной стратегией и речевой тактикой объяснения, а именно лексемами *to learn* — ‘to gain knowledge or skill by studying’ (Hornby, Ashby, Wehmeier 2005: 874) и *to be smart* — ‘to be intelligent’ (Ibid.: 1442), которые соотносятся как действие и результат действия.

Думается, что упомянутые лексемы оказываются решающими при выборе анализируемого субъекта как первого из людей, подвергшихся операции с целью увеличения рациональной составляющей интеллекта.

(3) *Where will we find another retarted adult with this tremendus motor-vation to lern. Look how well he has lerned to reed and rite for his low mentel age* (Keyes 1975: 8).

В примере (3) кооперативная стратегия и речевая тактика аргументатива на вербально-семантическом уровне эксплицируются риторическим вопросом *where will we*, эпитетом *tremendous*, стилистической инверсией *how well* и особенно глаголом *look* в повелительном наклонении, которые демонстрируют уверенность говорящего в своем высказывании и снижают возможность возражения со стороны реципиента.

Становится понятным, что увеличение рациональной составляющей интеллекта анализируемой языковой личности коррелирует с ее включенностью в общественные отношения и принятием себя как субъекта социума.

Преодоление одиночества также предполагает повышение социального статуса Чарли.

(4) *Then when I am smart they will talk to me and I can sit with them and listen like Joe Carp and Frank and Gimpy do when they talk and have a discushen about importent things* (Ibid.: 12).

Глаголы *talk*, *sit*, *listen*, словосочетание *have discussion* организованы как линейная последовательность действий, соотносимых с комфортным общением.

Однако на тезаурусном уровне в силу физического недостатка анализируемой языковой личности понимание кооперативного общения неоднозначно.

(5) *I don't care if pepul laff at me* (Ibid.: 16).

Кооперативная коммуникативная стратегия, вербализуемая речевой тактикой сближения, описывает дружественные отношения в понимании Чарли как любое взаимодействие с коллегами. Так, негативная сема глагола *to laugh* ('to make sb / sth seem stupid or not serious by making jokes about them' (Hornby, Ashby, Wehmeier 2005: 868) в близком контексте с лексемами позитивной коннотации *frends* и *to have fun*, а также лексемы *to care* в отрицательной форме нейтрализуют отрицательную коннотацию глагола *to laugh*, и она воспринимается индивидом как позитивная.

(6) *I said dont worry I will always keep my old frends even if I can read and rite* (Keyes 1975: 21).

Чарли не допускает мысли о том, что именно высокая рациональная составляющая интеллекта окажется препятствием для его социализации. Кооперативная коммуникативная стратегия и тактика обещания *I will always keep my old frends* демонстрируют уверенность в искренности его отношений с коллегами. Впоследствии он поймет денотативное значение лексемы *to laugh* и сумеет оценить ценностную доминанту межличностных отношений с окружающими.

(7) *Only a short time ago, I learned that people laughed at me* (Ibid.: 153).

(8) *I never knew before that Joe and Frank and the oth-ers liked to have me around just to make fun of me.*

Now I know what they mean when they say "to pull a Charlie Gordon" (Ibid.: 33).

Некооперативная коммуникативная стратегия и речевая тактика отстранения, репрезентируемые на вербально-семантическом уровне стилистической инверсией *only a short time* и трансформацией фразеологизма *to pull a Charlie Gordon*, указывают на игнорирование его окружающими.

Переоценка персонажем межличностных отношений как позитивных в качестве фактора социализации и его становления как личности демонстрируется следующим текстовым фрагментом.

(9) *Gus pushes him. "You little bastard, did you write this dirty note to my sister?" [...] "You keep away from my kid sister, you de-generate. You don't belong in this school anyway"* (Ibid.: 42).

На тезаурусном уровне негативное отношение коллег к Чарли в отличие от его позитивной реакции в силу незрелости его умственного интеллекта актуализируется некооперативной коммуникативной стратегией и конвергенцией речевых тактик, таких как: тактика обвинения — *You little bastard*, тактика предупреждения — *You keep away*. На вербально-семантическом уровне сказанное демонстрируется употреблением личного местоимения как обращения, лексемами с пейоративным значением, вульгаризмов *bastard*, *degenerate* и эпитета *dirty*.

Эмоциональная составляющая тезауруса субъекта поддерживается прежде всего его обращением к Богу.

(10) *Mabey I schouldnt of let them operate on my branes if its against god. I don't want to make god angrey* (Ibid.: 13).

Эмоциональное состояние Чарли выражается кооперативной стратегией и конвергенцией речевых тактик, а именно тактикой сближения, эксплицируемой лексемами со значением субъективной модальности (*mabey*, *schouldnt*), и тактикой аргументатива (*I don't want*).

Становится понятным, что в силу рефлексивного, а не осознанного восприятия межличностных отношений с окружающими Чарли счастлив в ожидании события, которое должно радикально изменить его социальный статус.

(11) *When he said that I got so happy and exited I jumpd up and shaked his hand for being so good to me. I think he got skared when I did that* (Ibid.: 8).

Чувственная составляющая эмоционального состояния анализируемой языковой личности выражается глаголами агентивного действия как наиболее очевидными для восприятия ситуации субъектом.

Особенности развития анализируемой языковой личности на тезаурусном уровне как умственно отсталой репрезентируются также и на вербально-семантическом уровне.

(12) *Dr Strauss says I shoud rite down what I think and re-membir and evrey thing that happins to me from now on* (Ibid.: 1).

Персонаж представляет отчет-дневник, в котором он описывает свои когнитивные способности до операции. Наличие орфографических, пунктуационных и грамматических ошибок демонстрирует низкий уровень грамотности, обусловленный его умственной отсталостью.

Итак, лингвокультурологическая парадигма анализируемой языковой личности с позиции социализации в дооперационный период может быть представлена следующим образом:

Низкий умственный интеллект

Низкий эмоциональный интеллект

**Низкая
социализация**

Исходя из вектора коммуникативной направленности, персонаж является реципиентом, социум — инициатором коммуникации; имеет место рефлексивное обращение к кооперативным коммуникативным стратегиям и тактикам в силу низкой рациональной составляющей, в то время как окружающие демонстрируют некооперативные коммуникативные стратегии и тактики как реакцию на умственную отсталость индивида.

В период реабилитации соотношение чувственного и рационального в лингвокультурологической парадигме персонажа меняется: рациональный компонент достигает максимального уровня, в то время как эмоциональная составляющая стремительно снижается. Умственный интеллект анализируемой языковой личности становится даже выше уровня научного сообщества, которое окружает его.

(13) *And how foolish I was ever to have thought that professors were intellectual giants. They're people — and afraid the rest of the world will find out* (Ibid.: 76).

Изменившаяся концептуальная картина мира индивида выражается некооперативной коммуникативной стратегией и тактикой отстранения, эксплицируемыми на вербально-семантическом уровне стилистической инверсией *how foolish I was ever* с негативной коннотацией лексемы *foolish* — ‘not showing good sense or judgement’ (Hornby, Ashby, Wehmeier 2005: 602), наречием *ever* как интенсификатором сказанного, квазитождеством *professors were intellectual giants*.

Взросший потенциал умственного интеллекта Чарли проявляется также и на вербально-семантическом уровне.

(14) *After I figured out how punctuation worked, I read over all my old progress reports from the beginning. Boy, did I have crazy spelling and pronunciation* (Keyes 1975: 31).

В короткие сроки Чарли осваивает нормы орфографии, пунктуации и грамматики родного языка, что подтверждается эпитетом *crazy* с семей ‘not sensible,

stupid' (Hornby, Ashby, Wehmeier 2005: 159) и риторическим вопросом *did I have* как реакцией на его знания в предшествующий период.

Чем быстрее растёт умственный интеллект анализируемого персонажа, тем активнее его участие в научной парадигме не как объекта исследования, а как ученого.

(15) "*Rahajamati. His article attacks Tanida's theory of enzyme fusion — the concept of changing the chemical structure of the enzyme blocking the step in the metabolic pathway*" (Keyes 1975: 114).

Свободное владение медицинской терминологией демонстрирует соответствующую лингвокультурологическую парадигму субъекта.

Однако социализация анализируемой языковой личности замедляется.

(16) *Everyone seems frightened of me. When I went over to Gimpy and tapped him on the shoulder to ask him something, he jumped up and dropped his cup of coffee all over himself. He stares at me when he think Im not looking. Nobody at the place talks to me any more or kids around the way they used to* (Ibid.: 46).

В последнем из приведенных тестовых фрагментов коммуникативное и речевое поведение Чарли актуализируется некооперативной коммуникативной стратегией и речевой тактикой отстранения, интегрирующей также значение тактики упрека. Становится понятным, что высокий интеллект персонажа вызывает непонимание и даже страх у его коллег. Сказанное на вербально-семантическом уровне эксплицируется лексемой *frightened* ('to make sb suddenly feel afraid' [Hornby, Ashby, Wehmeier 2005: 622]), значение которой интенсифицируется семным составом глаголов физического воздействия: *tapped, jumped, dropped*. Структура *to be used to* ('to be familiar with sth because you do it / or experience it often' [Ibid.: 1689]) демонстрирует изменение, а именно снижение социальной включенности персонажа в общество.

(17) *It had been all right along as they could laugh at me and appear clever at my expense, but now they were feeling inferior to the moron. [...] I had betrayed them, and they hated me for it* (Keyes 1975: 82).

Низкий уровень социализации субъекта маркируется метафорой *at my expense*, семным составом лексем *to betray* ('to hurt sb who trusts you, especially by not being loyal or faithful to them' [Hornby, Ashby, Wehmeier 2005: 133]), *to hate* ('to dislike sb very much' [Ibid.: 713]).

Здесь, как можно видеть, представляется возможным констатировать изменение вектора коммуникативной направленности высказывания, когда инициатором коммуникации становится анализируемая языковая личность, в то время как социум выступает как реципиент. Думается, что происходит смена коннотативного знака, соотносимого с соответствующими некооперативными стратегией и тактикой, как реакция на изменившийся умственный интеллект индивида.

Однако на тезаурусном уровне Чарли надеется доказать, что приобретенный высокий интеллект приведет к дальнейшей включенности в общество и принятию его как личности.

(18) “*But I’m not an inanimate object*”, I argued. “*I’m a person*” (Keyes 1975: 69).

Тактика самопрезентации в конвергенции с тактикой убеждения выражается антитезой *I’m not an inanimate object* — *I’m a person*, структурно представленной двусоставными предложениями, организованными как эпифора. Сема «неодушевленность» *object* (‘a thing that can be seen and touched, but is not alive’ [Hornby, Ashby, Wehmeier 2005: 1045]) как противоположное значению «личность» (‘person, a human as an individual’ [Ibid.: 1127]) вербализуется контрадикторной оппозицией контекстуальных антонимов *object* и *person*, интенсифицируется лексемой *inanimate* в словосочетании *an inanimate object* (*inanimate* — ‘not alive in the way that people, animals and plants are’ [Ibid.: 783]) и противительным союзом *but*.

Наиболее очевидно несоответствие рационального и иррационального в эволюции анализируемой языковой личности наблюдается в отношениях Чарли с любимой женщиной.

(19) “*Charlie, calm down. Be patient. Don’t forget you’re accomplishing in weeks what takes them a lifetime. You’re a giant sponge soaking in knowledge*” (Keyes 1975: 61).

Поначалу между коммуникантами устанавливаются комфортные отношения. Сказанное подтверждается кооперативной стратегией и речевой тактикой поддержки, демонстрируемыми обращением *Charlie*, гиперболой *takes down a lifetime*, квазитожеством *You’re a giant sponge*, императивными предложениями (*calm down, be patient*) с положительной коннотацией как индикаторами фатической функции общения при высоком умственном интеллекте.

Однако личностные отношения не устанавливаются, поскольку при высоком умственном интеллекте Чарли эмоционально не развит.

(20) “*You can’t tell **how** I feel or **what** I feel or **why** I feel*” (Ibid.: 96).

Тактика упрека, употребляемая Алисой по отношению к персонажу, эксплицируется союзными словами *how, what, why*, выделенными графически и указывающими на неспособность субъекта понять ее эмоциональное состояние.

Диссонанс рационального и иррационального в интеллекте анализируемой языковой личности заметен также и окружающим.

(21) *Dr. Strauss feels that emotionally I’m still in that ado-lescent state where being close to a woman, or thinking of sex, sets off anxiety, panic, even hallucinations* (Ibid.: 78–79).

Сказанное демонстрируется последовательностью номинативных единиц, организованных как стилистический прием нарастания. Некогда страстное желание преодолеть физический недостаток и стать умным на тезаурусном уровне и на мотивационном социализироваться сменяется потребностью отвернуться от общества и замкнуться в себе.

(22) “[...] *I’ve done enough. I want to be left alone now*” (Ibid.: 221).

Несостоятельность попытки Чарли социализироваться демонстрируется дисбалансом его умственной и чувственной составляющих интеллекта.

Итак, когнитивная модель периода реабилитации в эволюции анализируемой языковой личности представлена следующей лингвокультурологической парадигмой.

Высокий умственный интеллект

Низкий эмоциональный интеллект

**Низкая
социализация**

Индивид является инициатором коммуникации, обращается в основном к некооперативным стратегиям и тактикам. Это объясняется изменением вектора коммуникативной направленности общения, и, как следствие, происходит смена коннотативного знака коммуникативных стратегий и тактик, употребляемых коммуникантами.

В послеоперационный период Чарли понимает, что стремление быть умным достигнуто, физический недостаток преодолен, но социализации его как индивида социума не произошло. В результате побочного эффекта операции он стремительно деградирует — гениальный ученый превращается в прежнего субъекта с рациональным интеллектом даже ниже, чем до операции. Концептуальный признак «одиночество» и его социальный статус как недееспособного субъекта общества являются основными в процессе коммуникации в анализируемый период.

(23) “*When I was retarded, I had lots of friends. Now I have no one. Oh, I know lots of people. Lots and lots of people. But I don’t have any real friends. Not like I used to have in the bakery. Not a friend in the world who means anything to me, and no one I mean anything to*” (Ibid.: 191).

Сказанное подтверждается некооперативной стратегией и тактикой упрека, актуализируемыми хиазмом *who means anything to me, and no one I mean anything to*, графически — раздельным написанием местоимения *no one*.

Чарли понимает, что окружающие не рассматривают и никогда не рассматривали его как личность.

(24) *“The problem, dear professor, is that you wanted someone who could be made intelligent but still be kept in cage and displayed when necessary to reap the honors you seek. The hitch is that I’m a person”* (Ibid.: 189–190).

Развернутая метафора *still be kept in a cage and displayed* и наречие *still* эксплицируют его уверенность в сказанном.

Некооперативная стратегия и тактика отвода критики имплицитно игнорирование базового концептуального признака социализации, а именно понимания личности как субъекта общества.

(25) *“Why y’all looking at me like that? What did I say wrong? Did I say something wrong? I didn’t mean to say anything that wasn’t right”* (Ibid.: 192).

Инициатором коммуникации выступает анализируемая языковая личность. Думается, что различная прагматическая направленность в понимании ситуации адресантом и адресатом приводит к изменению коннотативного знака употребляемых коммуникативных стратегий и тактик — кооперативные стратегии и тактики индивида приобретают негативную оценку в интерпретации адресата. Последовательность вопросительных предложений с вопросительными местоимениями в начальной позиции (*why, what*), местоимения *something* в риторическом вопросе (*Did I say something wrong?*), абсолютных антонимов *right — wrong* являются маркерами положительной коннотации в восприятии субъекта.

В послеоперационный период низкая социализация индивида как при минимальной, так и при высокой рациональной составляющей интеллекта объясняется дисбалансом умственного и эмоционального компонентов анализируемой языковой личности.

(26) *“But I know now there’s one thing you’ve all overlooked: intelligence and education, that hasn’t been tempered by human affection isn’t worth a damn”* (Ibid.: 191).

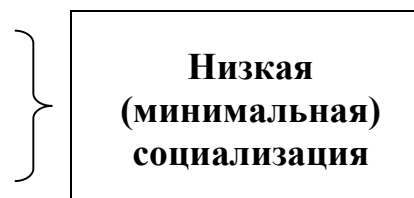
Сказанное приводит к осознанному одиночеству анализируемой языковой личности.

(27) *What has happened to me? Why am I so alone in the world?* (Ibid.: 194).

Итак, когнитивная модель социализации индивида в послеоперационный период представлена следующим образом:

Низкий (минимальный) умственный интеллект

Низкий (минимальный) эмоциональный интеллект

4. Заключение

Итак, изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Лингвокультурологическая парадигма анализируемой языковой личности с особенностями ментального развития может быть представлена как иерархически организованная социально-когнитивная модель в динамике, релевантная с позиций социализации индивида.

На мотивационном уровне основным стимулом субъекта с умственной отсталостью является увеличение рациональной составляющей интеллекта как неотъемлемого фактора его включенности в общество.

Установлено, что: 1) социально-культурная парадигма анализируемой языковой личности в рамках социализации детерминируется интеллектом, включающим рациональную и иррациональную составляющие, и коммуникативной направленностью высказывания; 2) как при низком, так и при высоком интеллекте зарегистрирована низкая социализация индивида в силу дисбаланса рационального и иррационального компонентов интеллекта субъекта; 3) обращение к кооперативным / некооперативным стратегиям и соответствующим тактикам обуславливается вектором коммуникативной направленности, изменение которого сопровождается сменой коннотативного знака соответствующих коммуникативных стратегий и тактик, а также различным пониманием коммуникантами социального статуса анализируемой языковой личности.

Список литературы / References

- Анохина В. С. Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семье) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 56. С. 64–71. [Anohina, Victoria S. (2008) Strategii i taktiki kommunikativnogo povedeniya v maloj social'noj grupe (sem'e) (Strategies and Tactics of Communicative Behavior in Small Social Group (Family)). *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 56, 64–71. (In Russian)].
- Богин Г. И. Уровни языка и языковая личность // Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Ужгород, 23–25 октября 1991. Ужгород: НВШ МВД РФ, 1991. С. 4. [Bogin, Georgij I. (1991) Urovni jazyka i jazykovaja lichnost' (Language Levels and Language Personality). In *Sootnoshenie sinhronii i diahronii v jazykovej jevoljucii* (Synchrony and Diachrony Ratio in Language Personality). Tezisy dokladov Vsesojuznoj nauchnoj konferencii. Uzhgorod, 23–25 oktjabrja 1991, Uzhgorod: NVSh MVD RF, 4. (In Russian)].
- Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. Москва: Издательство Акад. Наук СССР, 1963. Т. 2. [Boduen de Kurtene, Ivan A. (1963) *Izbrannnye trudy po obshchemu yazykoznaniju* (Selected Works in General Linguistics): v 2 t. Moscow: Izdatel'stvo Akad. Nauk SSSR, Vol. 2. (In Russian)].
- Вережачгин Е. Н., Райтмар Р., Ройтер Т. Речевые тактики «призыва к откровенности» // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 82–93. [Vereshchagin, Evgenij N., Rathmayr, Renate, &

- Reuther, Tilmann. (1992) *Rechevye taktiki «prizyva k otkrovennosti»* (Speech Tactics of a Call for Frankness). *Voprosy yazykoznanija*, 6, 82–93. (In Russian)].
- Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. Москва: Наука, 1980. [Vinogradov, Victor V. (1980) *Izbrannyye trudy. O yazyke hudozhestvennoj prozy* (Selected Works. About the Prose Fiction Language). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. [Gumbol'dt, Wilhelm fon (1985) *Yazyk i filosofiya kul'tury* (Language and Culture Philosophy). Moscow: Progress, 1985. (In Russian)].
- Дейк ванн Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Москва: Прогресс, 2000. [Dejk vann, Teun A. (2000) *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* (Language. Cognition. Communication). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Дементьева И. А. Антропоцентрический подход к исследованию когнитивной и лингвокультурной деятельности человека. Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013 Т. 15. № 2-1. С. 176–180. [Dement'eva, I. A. (2013) *Antropocentricheskij podhod k issledovaniyu kognitivnoj i lingvokul'turnoj deyatel'nosti cheloveka* (Anthropocentric Approach to the Study of Cognitive and Lingua-Cultural Activity of a Man). *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, Vol. 15, 2-1, 176–180. (In Russian)].
- Дорошенко О. М. Понятие социализации личности: факторы, механизмы, этапы // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 1. С. 12–16. [Doroshenko, Olga M. (2020) *Ponyatie socializacii lichnosti: faktory, mekhanizmy, etapy* (The Concept of Socialization: Factors, Mechanisms, Stages). *Psychology and Pedagogy of Service Activities*, 1, 12–16. (In Russian)].
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. Москва: Издательство ЛКИ, 2008. [Issers, Oksana S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* (Communicative Strategies of Russian Speech). 5-e izd. Moscow: Izdatel'stvo LKI. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, Vladimir I. (2002) *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* (Language Circle: Personality, Concepts, Discourse). Volgograd: Peremena. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. Москва: URSS, 2007. [Karaulov, Yuriy N. (2007) *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* (The Russian Language and Language Personality). Izd. 6-e. Moscow: URSS. (In Russian)].
- Клюев Е. В. Речевая коммуникация: Успешность речевого взаимодействия. Москва: РИПОЛ Классик, 2002. [Klyuev, Evgenij V. (2002) *Rechevaya kommunikaciya: Uspeshnost' rechevogo vzaimodejstviya* (Speech Communication: Successful speech interaction). Moscow: RIPOI Klassik. (In Russian)].
- Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. Москва: Издательская группа НОРМА–ИНФРА М, 1999. [Graudina, Ludmila K., & Shiryaev, Evgenij N. (eds.) (1999) *Kul'tura russkoj rechi* (Russian Speech Culture). Ucheb-nik dlya vuzov. Moscow: Izdatel'skaya gruppa NORMA–INFRA M. (In Russian)].
- Ростовцева М. В., Машанов А. А., Хохрина З. В. Социально-философские проблемы социализации личности в условиях информатизации современного общества // Фундаментальные исследования. 2013. № 6-5. С. 1282–1286. [Rostovceva, Marina V., Mashanov, Aleksandr A., & Hohrina, Zoya V. (2013) *Social'no-filosofskie problemy socializacii lichnosti v usloviyah informatizacii sovremennogo obshchestva*. (Social and Philosophical Problems of Socialization of the Personality in the Conditions of Information of Modern Society). *Fundamental Research*, 6-5, 1282–1286. (In Russian)].

- Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. Москва: Наука, 1988. [Serebrennikov, Boris A. (1988) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i myshlenie* (A Role of a Human Factor in Language: Language and Thinking). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: Монография. 2-е изд., испр. и доп. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2014. [Shelestyuk, Elena V. (2014) *Rechivoie vozdejstvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya: Monografiya* (Speech Influence: Ontology and Research Methodology: Monograph). 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russian)].
- Cruse, D. Alan. (1977) The Pragmatics of Lexical Specificity. *Journal of Linguistics*, Vol. 13, Iss. 2, 153–164.
- Ellis, Rod. (1984) Communication Strategies and the Evaluation of Communicative Performance. *ELT Journal*, Vol. 38 (1), 39–44.
- Faerch, Claus, & Kasper, Gabriele. (1983) On Identifying Communication Strategies. In Faerch, Claus, & Kasper, Gabriele. (eds.) *Strategies in Interlanguage Communication*. London: Longman Group Limited, 20–26.
- Fraser, Bruce. (1983) The Domain of Pragmatics. In Richards, Jack C., & Schmidt, Richard W. (eds.) *Language and Communication*. London: Routledge, 29–59.
- Grimshaw, Allen D. (1981) *Language as Social Resource*. Stanford: Stanford University Press.
- Hill, Jane H. (1988) Language, Culture and World View. In Newmeyer, Frederick J. (ed.) *Linguistics: the Cambridge Survey*, Vol. 4. Cambridge: Cambridge University Press, 14–36.
- Kasper, Gabriele, & Kellerman, Eric. (1997) *Communication Strategies: Psycholinguistic and Sociolinguistic Perspectives*. London: Routledge.
- Tarone, Elaine. (1983) Some Thoughts on the Notion of “Communication Strategy.” In Faerch Claus, & Kasper Gabriele. (eds.) *Strategies in Interlanguage Communication*. London: Longman Group Limited, 61–74.
- Wierzbicka, Anna. (1992) *Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-specific Configurations*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Witherspoon, Gary. (1980) Language in Culture and Culture in Language. *International Journal of American Linguistics*, 46 (1), 1–13.

Словари / Dictionaries

- Hornby, Albert S., Ashby, Michael, & Wehmeier, Sally. (2005) *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. 7th Edition. Oxford: Oxford University Press.

Источники языкового материала / Language material resources

- Keyes, Daniel. (2022) *Flowers for Algernon*. Great Britain: Clays Ltd.